

Тщета благих намерений

Ингмар Бергман.
Исповедальные беседы.
«Новый мир», 1997, № 1.

Наверное, он последний из тех, кого называют великими, не дожидаясь суда потомков. «Земляничная поляна» и «Седьмая печать» дают на это право. Даже если бы Бергман не сделал ничего другого.

Прошлой осенью он поставил «Вакханок» Еврипида и объявил, что прощается с театром. Из кинематографа Бергман ушел еще раньше. Теперь открывается Бергман-писатель: его книги выходят одна за другой и — нечастый случай — тут же появляются на русском в прекрасных переводах А. Афиногеновой. Автобиографическая книга «Латерна магия», романы «Благие намерения», «Воскресный ребенок». Наконец, «Исповедальные беседы».

Уже есть телеверсия этой небольшой повести. Режиссером выступила Лив Ульман. Она играла во многих бергмановских фильмах, лет двадцать назад — в печальной «Осенней сонате», может быть, самом поэтичном из всех. В истории странных отношений матери и дочери, друг друга ненавидящих, но не способных друг без друга существовать, подчеркнутая заурядность сюжета не мешала неподдельному напряжению — драматическому и философскому. Это особенность оптики Бергмана. Ему интересно обыденное, даже тривиальное. Интересны бездны, открывающиеся в человеке без давления исключительных обстоятельств, в будничной среде.

Проза обнаручила эту художественную установку особенно ясно. Три «киноромана», написанные за последние годы, возвращают к эпизодам раннего детства Бергмана и отличаются подчеркнутой откровенностью воспоминаний об атмосфере родительского дома. Однако их главный интерес не в том, что они дают неоценимый материал будущим биографам. На пороге восьмидесятилетия, вступив в пору итогов, Бергман хочет обобщить свои давние размышления о человеке в божеоставленном мире.

Восстанавливая — по выцветшим фотографиям, по письмам, где сплошь умолчания, — тяжелые сцены, которые разыгрывались в его доме, когда он был ребенком, Бергман не предлагает исповеди, обнажающей ранние, а поэтому самые болезненные душевные травмы. И не исповедует сам. В лютеранстве исповеди практически упразднены, есть лишь беседы с пастором, но — «при свете дня, лицом к лицу получается не так-то легко». А нужно, чтобы получилось.

Описание габарита - 185х7-73-150 см. - с 88.

Сын пастора, Бергман, всю жизнь бьется над разгадкой феномена христианства. Для него — парадоксального: каким образом, вопреки всему тому, что сделало наше столетие, чтобы дискредитировать и доктрину, и веру, они сохраняются? Отчего примирениями заканчиваются бунты против них — как тот, который подняла Анна, героиня «Исповедальных бесед»? Сначала юной девушкой, отказывавшаяся от конфирмации. Затем пасторской женой и матерью трех детей, решившаяся на неверность, — прежде всего, чтобы покончить о ролью добродетельной матроны и вообще с ролями, заменяющими живую жизнь.

Несколько «бесед», пять хронологически разбросанных эпизодов. Обыкновенная, во всех своих поворотах предугадываемая история измены с наперед известным концом. На последних страницах Анна, которой уже за сорок, — дама, чья репутация безупречна. Семейный мир восстановлен. Героине достаточно сугубо внешних знаков сохраненной ею жалкой свободы. Муж, справившись с нервным срывом, снова обременен пасторскими заботами. Как и соперник, окончивший богословский факультет и женившийся. От всех терзаний, от жгучих постыдных радостей не осталось ничего. Лишь воспоминание, которое с дистанции лет Анне кажется прекрасным.

Такой бы, вероятно, могла оказаться развязка у кого угодно, только не у Бергмана. Когда сюжет завершен, появляется «Эпилог-пролог», пять страничек о юной Анне, так не хотевшей идти к причастию, которое должно было стать для нее праздником. Сопrotивление сумели подавить, ритуал был исполнен — предвстает, что и дальше жизнь этой конфирмантки будет чередой бунтов, уступавших инстинкту конформизма. Духовник сумел тогда убедить Анну. Четверть века спустя мы видим его в предсмертные часы, и вызывающая натуралистичность подробностей — извергающаяся кровь и слезы, судороги, прерывающие обряд последнего причастия, — красноречиво говорит о том, что значит насилие над человеческой природой, совершаемое ради ритуала, для Бергмана. Но окончательного итога не подводит и эта сцена. У Бергмана вообще нет претензии на последнее, неоспоримое слово. Пережитое Анной можно воспринять как катастрофу, к которой привел отказ признать заповеди непреложными, — как драму атеистического сознания. Но ведь оставлена возможность читать эту историю и совсем по-иному — как постижение незаменимости того, что в повести названо Человеческой Святостью. Ее невозможно «ни прозреть, ни уловить», но, кажется, для Бергмана она одна реальна. «Все остальное лишь атрибут, маскарад, манифестации, выходки, отчаяние... безнадежные крики в темноте и тишине».

Алексей ЗВЕРЕВ